

РАБОТА С ДЕТЬМИ: нюансы встреч и воспитание

Михаил Михайлович Николаев, учитель рисования, г. Москва

Начиная преподавать в Благотворительном фонде «Большая Перемена», я знал, что общение с воспитанниками интернатов и детских домов имеет свою специфику, какие-то неизвестные мне нюансы. Но, в принципе, чем, по большому счёту, может отличаться урок рисования в обычной студии от такого же урока с мальчиком или девочкой (юношей или девушкой), выросшими в «казённом доме»? «Наверно, ничем, — думал я. — Только нюансами...». Но «нюансы» — не мелочи. Не «мелкие подробности», как сказано в словаре.

Да, структура урока такая же: учащийся с моей помощью осваивает технические приёмы для наиболее точного изображения на бумаге разных по сложности предметов. Конечная цель формулируется чрезвычайно просто: твой ученик должен научиться выражать чувство, мысль, идею максимально выразительно и точно. Посредством графических и живописных материалов. Точка.

Точка? Нет, многоточие... Попробуй-ка ответить, да ещё так, чтобы тебя поняли, — зачем это нужно? Вот это самое — «уметь выражать посредством» и т.д.? Во имя того, чтобы твои ученики осознали, зачем это нужно, ты и встречаешься с ними, разговариваешь, показываешь, шутишь,

изображаешь и тому подобное. О смысле занятия рисованием, наверно, большинство детей, подростков просто не задумываются. Нравится рисовать и всё. «Потому что может красиво получиться». Взрослый же ученик пытается сформулировать, зачем рисует, но его формулировки часто приблизительны, поверхностны. Детское «чтобы красиво получилось» — глубже, точнее. Рисуют, пишут красками именно для того, чтобы получилось красиво. Чтобы в рисунке материализовалась мечта о гармонии, преобразении мира и человека.

Потому-то особенно пронзительна, остра тема поиска гармонии у ребят-сирот, у тех, кто с самого рождения соприкоснулся с уродливой стороной жизни. Помимо чисто профессиональных разговоров о том, как, скажем, нарисовать дерево, чтобы оно было похоже на настоящее, принципиально важны беседы этического характера. Можно великолепно изобразить дерево и потом пририсовать повешенного на суку человека. Рисунок может получиться весьма «натуральный», но вместе с тем жестоко-насмешливый или даже патологичный. В таких случаях принципиально важно объяснять, что есть темы, где издёвки неуместны, что насилие, убийство вызывают низменный интерес лишь у нравственно нездоровых людей. Повешенный человек в рисунке должен вызывать сострадание, а сама казнь — отвращение, только тогда данный сюжет имеет право на существование. Одним словом, обучать тонкостям ремесла не имеет

никакого смысла, если основой занятий не станет поиск нравственного идеала.

Ученик нуждается в общении с педагогом в самом простом, привычном смысле этого слова. Разумеется, каждый педагог — самостоятельная личность. У каждого свой метод преподавания. Лично я всегда делал особый акцент на идейной стороне рисунка. Даже если ученики писали обычный натюрморт — бутылка, яблоко, нож, тряпка. О каких только вещах не вспомнишь, объясняя, как рисовать яблоко! От райского древа до Ньютона... Кто-то скажет: «Всё это пустая болтовня!» С моей точки зрения, это наполнение неодушевлённого предмета глубоким символическим смыслом. «Болтовня» об ассоциациях, связанных с яблоком, одухотворяет предмет. Невольно начинаешь относиться к нему, как к чему-то живому, а не как к «предмету определённой формы, имеющему характерный оттенок» и т. п.

Да-да, обычное яблоко может стать символом, если не механически копируешь его, а видишь в нём образ.

Тем более необходимы разговоры на отвлечённые темы с детьми и молодыми людьми, имеющими огромные пробелы в образовании, воспитании; жизнь которых была ограничена только тем, что могло им предложить казённое учреждение. Занятия рисованием, кстати, великолепный способ показать им знакомые предметы — словно заново открыть новое значение цвета, формы, линии. Что уж говорить о таком великолепном для душевного и интеллектуально-го развития занятии, как книжная иллюстрация!

Итак, изначально мои занятия должны были стать «развивающими беседами», где обучение рисованию является в большей степени поводом для встречи, нежели самоцелью. Разумеется, в отдельных случаях занятия могли бы стать действительно серьёзной профессиональной подготовкой для, скажем, поступления студента «Большой перемены» в художественное училище или колледж. Однако, единственная моя ученица Лида С., которая планировала поступить на оформительское отделение подобного учебного заведения, внезапно вообще перестала заниматься рисованием, отказалась от помощи Благотворительного фонда. Это частный случай, но всё же весьма

характерный. Привычная, хоть и монотонная жизнь в психоневрологическом интернате оказалась для неё более приемлемой, чем перспектива начать новую жизнь. «Большой перемене» она предпочла свою «маленькую неизменность». Это грустно. Грустно, потому что у Лиды явные способности, и она вполне могла реализовать себя в качестве художника-прикладника: её работы из бисера, вышивки и прочее вызывали восхищение у многих, кто их видел.

Почему Лида утратила интерес к занятиям — вопрос отдельный, сложный. Прогресс в её рисунках, сделанных за время обучения, был очевидный: она рисовала всё лучше и лучше. Но, видимо, помимо глубинных личных причин существовала ещё одна: *мне, как педагогу, как собеседнику, не удалось убедить девушку в том, что ей необходимо вырваться из привычного круга жизни.* Что же, остаётся надеяться, что то время, которое мы провели с ней вместе, не было потрачено совсем впустую, и наше общение скрасило её однообразие и серость будней.

Однако, факт остаётся фактом: приобретение профессиональных навыков не имеет истинной ценности, если учащийся не вдохновлён идеей использовать свой дар на благо другим. Выход во взрослую самостоятельную жизнь всегда является испытанием для молодых людей. Что уж говорить о воспитанниках интернатов... Психологическая поддержка, душевное расположение педагога, его стремление развить и воспитать личность ученика — вот что должно быть основой занятий. В конце концов, не такая уж завидная вещь — стать художником! А вот душевное развитие, умение видеть и ценить прекрасное — это то, что обогащает жизнь, преобразует личность.

Другая моя ученица Галя Э. уже учится в художественном колледже, причём, несмотря на врождённое заболевание,

она делает декоративные композиции на приличном профессиональном уровне, хотя такие дисциплины, как рисунок и живопись не так легко ей даются. Вдаваться в подробности, объясняя, что конкретно не получается пока у Галя, не стану, поскольку в контексте данной статьи-размышления это совсем не важно. Важно то, что Галя в силу своих личных человеческих свойств и благодаря труду моих коллег ясно видит цель и радостно стремится к ней. Именно «радостно»! Педагогам «Большой перемены» и педагогам её колледжа удалось (и удаётся) сделать процесс обучения не нудно-усыпляющим, но живым, наполненным *радостью познания*.

В мою задачу сейчас входит помочь Гале с чисто профессиональной точки зрения. Когда мы встречаемся с ней, то обсуждаем сделанные ей в колледже работы, ищем достоинства и недостатки, учимся развивать первые и устранять последние. В общем, это дополнительные занятия, которые должны служить подспорьем для начинающей художницы, студентки. И только?

Конечно же, нет! Бывает так, что мы с Галей прекращаем рисовать и довольно долго говорим на «посторонние» темы. О кино, литературе, о жизни вообще. И отнюдь не в ущерб её профессиональной подготовке. Неразвивающаяся личность, человек, механически отрабатывающий технику рисунка, как художник, как творец — бесперспективен. Что нового и интересного он скажет о жизни? Никогда не создаст он ничего, кроме посредственных, грубых ремесленных поделок. Слава богу, Гале, думаю, это не грозит, потому что она эмоциональна и с восторгом принимает всё новое, что предлагает ей педагог, книга, выставка, путешествие и т.д.

Студенты все разные. И по характеру, и по одарённости. По моим личным наблюдениям, общая черта для большинства сирот — настороженность к новому и, вместе с тем, неосознанная жажда глобальных перемен. Всё новое, разрушающее привычное суще-

ствование, пугает, поскольку требует чего-то нового и от них самих, а ведь хорошо известно, как развита пассивность у тех, кто воспитывается в закрытых воспитательных учреждениях, где жизнь подчинена более или менее суровым правилам. С другой стороны, в детских коллективах всегда вызревает чувство протеста против навязанных старшими правил. Оттого-то среди воспитанников детских домов или интернатов культивируется умение жить двойной жизнью. Одна жизнь — формальная, заметная администрации, другая — настоящая, касающаяся взаимоотношений между воспитанниками. Разумеется, сейчас я упрощаю, даже огрубляю свои выводы, основанные на доверительных разговорах со студентами и на случайных наблюдениях. Но всё же, в целом, думается, они верны.

Таким образом, когда воспитаннику интерната предлагается ещё и третий вариант жизни, вне стен его «дома», он невольно напрягается, приходит в смятение. Хотя и надеется в глубине сердца, что ему предложат нечто лучшее, более светлое, чем он имел раньше. Помощь сиротам необходима. Помощь — в постепенном приобщении их к реальности, к пугающему своей непонятностью миру вне интерната. В том числе через творческую работу. В частности — через рисование.

Один мой ученик, Володя, не сделал за год сколько-нибудь заметных успехов в освоении техники рисунка. Возможно, главная причина — нарушение координации движений из-за детского церебрального паралича. Но общение наше принесло обоим безусловную пользу. Хотя бы потому, что я мог оказать ему чисто дружескую поддержку, просто общался с ним, обсуждая его личные проблемы и проблемы общего порядка. Кажется, Володя, благодаря усилиям наших педагогов и моим, в частности, стал более открыт к общению, ощутил моральную поддержку и получил стимул для дальнейшего самообразования и культурного роста.

Вот один конкретный пример. Если в начале года Володя горделиво заявлял, что «в принципе умеет рисовать» и только хочет «кое-что усовершенствовать», то в конце года уже вполне критично оценивал свои рисунки, терпимее относился к замечаниям и вообще стал мягче, доброжелательней, нежели на первых уроках. Значит, общение, совместные поиски ответа на вопросы, связанные с наиболее точным и выразительным отображением в рисунках реальности, были не напрасны. Володя стал объективнее оценивать то, что делает, и заодно получил возможность сравнить свой опыт творческой работы с опытом других учеников. Я уж не говорю о том, сколько мы с ним рассуждали о различных точках зрения по поводу одной и той же работы, о принципах искусства и прочем.

Одним словом, когда занятие становится «дружеской встречей», когда *ученик молчаливый* становится *учеником-собеседником*, помимо освоения им сугубо профессиональных навыков, происходит чувство свободы, раскрепощённости, доверия к педагогу-собеседнику. И часто он получает возможность больше узнать о самых различных вещах, так как суть таких разговоров сводится к познанию мира вообще. И нет в них «маловажных» тем, потому что все они, так или иначе, имеют отношение к ответам на существеннейшие вопросы. «Что мы знаем о себе и об окружающих?» «Каково наше отношение к себе и окружающим?» «Как искусство отражает личное отношение индивидуума к историческим событиям, к природе, человеку, бытию вообще?»

Постепенно, от урока к уроку, учащиеся привыкают рассуждать, возражать, спрашивать, и главное здесь — с каким именно настроением. Одно дело «провозглашать» истину, и совсем иное — искать её вместе с ребятами, делиться творческим и жизненным опытом, знаниями. Да, не всегда получается вовлечь того или другого студента в подобный процесс. В конце концов, это вещь тонкая, зависящая от множества условий. Например, от настроения ученика в данный момент. И конкретный результат часто очень трудно предъяснить, ведь он может быть не материален, как в случае с Володей.

По счастью, есть и такие примеры, когда «плоды душевных бесед», как говорится,

налицо. Света К. уже взрослая женщина (ей 28 лет). Она воспитывалась в психоневрологическом интернате, после, если не ошибаюсь, сменила несколько работ и в настоящее время работает маляром в бригаде, где, по понятным причинам, не может найти себе близкого по духу человека. Света — художник. Подчёркиваю, не человек, стремящийся стать художником, а просто *художник*. Рисовать никогда не училась, и творчество её искусствоведы, скорей всего, классифицировали бы, как примитивное искусство. А психиатры непременно добавили бы: с патологическим уклоном. Да я и сам так подумал в первые секунды, когда смотрел её работы. Однако, при более внимательном изучении и после того, как Света прокомментировала то, что «зашифровано» в её композициях, я чрезвычайно заинтересовался её концепцией. Света рисует спонтанно, символы в её работах возникают в процессе создания, и для зрителя они непонятны. Но! В манере писать красками, в компоновке персонажей, в их оригинальной трактовке угадывается личностная сила автора, настоящий, несомненный талант.

Так, например, в одном из рисунков Света символически изобразила, по какому принципу формируется у одного человека мнение о другом. Иными словами, это художественно выполненная схема развития человеческих отношений. Подробно об этом писать не стану, но смею уверить: эта работа потрясает глубиной и точностью в передаче тончайших нюансов жизни человеческой души.

Свете кажется, что она рисует плохо. Её идеал — реалистическая манера изображения в духе академистов. И задача моя была обучить её азам рисунка, живописи, композиции не в ущерб непосредственности и самобытности её творческой манеры. Друг и наставник Светы, наш педагог Ирина Александровна,

предупредила меня об этом, когда направила её ко мне. И этот мудрый совет моего коллеги побудил меня относиться к занятиям со Светой с большей осторожностью, даже трепетностью.

И вот один из результатов нашего «общения», когда так счастливо совпали устремления педагога и ученика. Человека Света изображала схематично, нарочито примитивно, хотя и очень оригинально. Это скорее был не человек, а нечто человекообразное, лишённое определённых черт. По просьбе ученицы мы стали заниматься изучением анатомии, вместе смотрели и обсуждали портреты мастеров живописи. Потом Света попыталась копировать с фотографий, рисунков. Наконец, сделала отличную «копию» с портрета актрисы, выполненного Врубелем. Естественно, копия получилась неточная, но настолько выразительная, что рядом с оригиналом ничуть не проигрывала. Попутно Света самостоятельно изучала древнерусскую живопись, иконы.

Наконец, на одном из занятий я предложил ей изобразить по воображению какого-нибудь человека. Сперва получался, по словам самого автора, «изумлённый врач». Сказано это было с большой самоиронией: портрет выглядел довольно беспомощным, неумелым. Я стал понемногу вмешиваться в процесс работы, подправлять кое-что своей рукой. На глазах «изумлённый врач» стал превращаться в «монаха». Причём не изумлённого, а, скорее, расстроенного. Возможно, несовершенством окружающих... Лицо приобрело совсем иные черты, а благодаря моим подсказкам стало даже объёмным, «реалистичным». Смущали только глаза. Изначально они были стилизованные, схематичные, но вполне гармонировали с лицом. Теперь же на «новом» лице они казались блёклыми, невидящими. Я осмелился написать красками один глаз

сам, объясняя, как это принято делать у профессионалов. После чего Света второй раз написала сама, причём замечательно точно скопировав мой образец. Монах «прозрел»! Кажется, это произвело на неё сильное впечатление...

В тот же вечер Света нарисовала самостоятельно потрясающий портрет некоего человека, похожего на монаха в куколке. И самое замечательное было то, что в этом портрете соединилось иконописное, реалистическое и абсолютно своё, авторское! Да, портрет, на первый взгляд, неумелый, почти детский. Но при более долгом рассмотрении он с какой-то мистической силой начинает притягивать к себе. «Это постаревший Христос», — машинально пробормотал я, когда Света прислала его по электронной почте.

Будущее Светы непредсказуемо. Но последний портрет красноречиво свидетельствует о её огромных возможностях, как творца. Я рад, что стал свидетелем того, как создаются настоящие шедевры.

Пока я думал, как лучше закончить статью, мне пришло письмо от моей подруги, которая совершенно случайно встретила со Светой, когда на минутку зашла в «Большую перемену», чтобы посмотреть «моё рабочее место». Светины работы она видела, они тоже заинтересовали её. Сегодня я послал ей по электронной почте тот «легендарный» портрет. Цитирую письмо моей подруги:

«Слушай, это, правда, невероятно. По сравнению с тем, что я видела с тобой тогда... Да и без всяких сравнений!»

Этим и закончу, пожалуй, мою статью. **В.Ш**